

Мое знакомство с ним началось из-за нелюбви к нему В ТЕАТРЕ ГРИШКОВЕЦ СЪЕЛ СОБАКУ

НАВЕРНЯКА многие согласятся, что драматурга, актера и режиссера Евгения Гришковца можно или любить, или – с точностью до наоборот. Среднего не дано. Мое знакомство с ним началось именно из-за нелюбви к нему, когда в один прекрасный момент по стране началась гришковцовомания.

Открываешь газету – Гришковец, смотришь телевизор – Гришковец, разговариваешь со знакомыми – опять проскальзывает Гришковец. Естественно, от таких частых упоминаний может возникнуть антипатия, будь ты хоть трижды замечательный человек, писатель и актер...

Но три года назад кое-как заставил себя посмотреть спектакль «Как я съел собаку» – сам не поверил, но уже с первых минут Гришковец стал для меня тем самым замечательным человеком, актером... и так далее.

После просмотра спектакля самородка-режиссера Гришковца интерес не мог не перекинуться к его другому и тоже основному ремеслу – писательскому. Накупил книг, прочитал. Понравилось абсолютно все, кроме «Рубашки». Ну не Гришковца это книга, не он писал: огламуренная Москва, почти типичный любовный сюжет и не гришковцовский текст. Но – не ошибается тот, кто ничего не делает. И такие проходные книги навряд ли отобьют интерес к Гришковцу-писателю и Гришковцу-актеру-режиссеру – если только случайно не прочитаешь тот самый пресловутый роман одним из первых. Так, в целях ознакомления. Услышав, что к нам приезжает со спектаклем «Одновременно» Евгений Гришковец, один мой знакомый сделал кислую мину:

– Да я на этот спектакль четыре года назад ходил в Питере. Очередной чес по городам, проще на диске посмотреть...

Ну, проще не проще, а билеты, притом недешевые, были раскуплены уже за месяц – даже на стоячие места. Такого аншлага Магнитка не видела давно. Да и сам Гришковец на пресс-конференции перед спектаклем рассказал, почему так часто играет «Одновременно»:

– Спектакль все время как бы движется к совершенству. Я постоянно могу варьировать, изменять, приводить его в соответствие со своим возрастом, потому что 33-летний человек, которым я начинал играть этот спектакль, не то же самое, что сегодняшний 41-летний я. Причем в совершенно другом социальном статусе находящийся. В 33 года я играл в зальчике на восемьдесят мест, а сейчас билеты раскупают заранее в тысячные залы. Сейчас все по-другому – в этом смысле «Одновременно» меняется. Так же и «Как я съел собаку» за пятьсот с лишним раз исполнений дошел до совершенства, стал кристальным. Если воспроизвести все вариации текста, он загудит часов на пять. Но композиция должна укладываться в два часа, а изначально была час двадцать. «Как я съел собаку» стал граненый: я могу повернуть этот кристалл любой стороной, и мне это уже не интересно. «А выберу-ка я четыреста пятнадцатый вариант» – для меня это невозможно. Я могу по этому спектаклю сильно соскучиться и сыграть его в свой день рождения. Или вдруг, случись отмена спектакля «по По», где мы играем с Алексан-

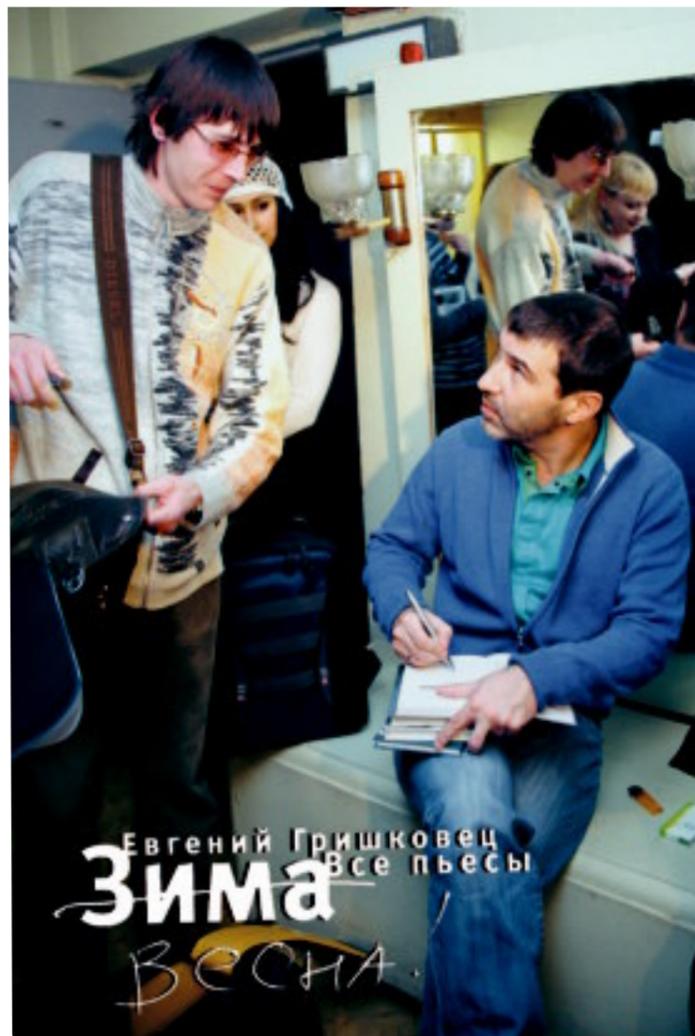
дром Цекало, из-за его съемок, что делать? Я не отменяю спектакля, а предлагаю зрителям взамен через Интернет «Как я съел собаку», так как я четыре года его не играл ни в Москве, ни в Питере. Но поскольку в «по По» играет высокооплачиваемый известный артист Александр Цекало, то и билет на эту постановку стоит, соответственно, дороже. Поэтому всем зрителям, которые не сдадут билеты и придут на «Собаку», будет подарен DVD с «по По».

Но меня больше интересуют быстроразвивающиеся спектакли, постоянно меняющиеся. Особенно это касается постановки «Дредноуты». «Планета» тоже зажила новой жизнью – я в этом сезоне изменил до двадцати процентов текста, появились новые интонации. Но главное – как развивается текст. Если «Одновременно» был раньше действительно спектаклем об ощущениях, то сейчас меня интересуют мгновения в жизни. Я отчетливо это понял и проговариваю. Да вы сами увидите, насколько «Одновременно» отличается от книги и видеоверсии спектакля.

...Отличается. Ох как отличается. Мало того, что Гришковец вышел на сцену вовремя, не затягивая «звездную» паузу перед началом спектакля, чем нередко злоупотребляют заезжие знаменитости, так еще и дождался, когда самый последний зритель сядет на свое место, напомнив, чтобы тот выключил свой мобильный и не переписывался во время представления SMS-ками, а то он со сцены запомнит лицо, мерцающее в синеве экрана.

«Одновременно» – тот самый спектакль, который многие видели на диске, другие – зачитывали до дыр в поисках любимой цитаты. Но то, что идет на сцене, уже трудно сравнить с текстом и тем более – с видеовersion. Это вроде те же самые поезда, которые ходят не «во-о-т та-а-ак, во-о-т та-а-ак», а – «вот-так, вот-так». Те же самые самолеты, в которых на высоте одиннадцати тысяч метров обязательно занят туалет. И действительно: зачем в туалете зеркало, расположенное на уровне твоего лица, когда ты сидишь на унитазе? И почему нет офигенных ощущений, которые ты бы так хотел испытать, когда смотришь на «Джоконду» Леонардо да Винчи в самом Лувре? Наверное, японцы виноваты. Как обычно. А эта встреча миллениума, когда наутро в холодильнике обнаруживаешь почти не тронутые вчерашним весельем новогодние угощения и пожирал их все, желательно вперемешку, испытывая при этом то самое «дзиннн!»), которое так хотел испытать в переломную полночь, да проволочка от шампанского сломалась в самый ответственный момент... И почему праздник наступает не тогда, когда ты ждешь и готовишься, а вдруг, после, сереньким утром миллениума, на кухне перед открытым холодильником? Ты задаешься этими вопросами, но хочешь понять все одновременно или одновременно (и то, и другое ударение, поясняет автор перед спектаклем, разрешено правилами русского произношения). Это хотят понять и зрители, не уставая смеяться все два часа, пока идет спектакль. Хотя «смеяться» – слабо сказано: Гришковец довел всех до слез.

– Гораздо важнее сделать такой спектакль, который бы воспринимался жителями того города, где он исполняется, как свой, – рассказывал Евгений на пресс-конференции.

Евгений Гришковец
Зима
Весна
Все пьесы

– Чтобы он не чувствовался отдельным. Чтобы публика не считала и не ощущала меня сильно иногородним или, скажем, столичным. А я столичный и не являюсь. Путевые заметки – дело хорошее, но хорошо получаются путевые заметки уже у пожилых писателей. Я себя к такому не причисляю. А впечатления какие от Магнитогорска? Ну, я же не с Луны упал, я не из Питера, не из Москвы, не из-за границы. Я родился и вырос в Кемерове, рядом городок – оттуда моя жена. Есть город Новокузнецк, который вообще, по сути дела, – тот же Магнитогорск. И жители Новокузнецка совершенно уверены, что именно про них писал Маяковский: «Я знаю – город будет». Там есть металлургический комбинат, алюминиевый завод. Там тоже есть сталинская общарпанная, мною любимая архитектура. А первое впечатление от Магнитогорска? Тяжелое. Тем более, что вчера, когда приехал, видел очень много счастливых пьяных людей после хоккея, а я не очень люблю пьяных, которые сами счастливы, но обижают окружающих.

Мы проезжали по улице Лесопарковой, мимо телецентра – в Кемерове точно такой же, я родился возле него. Такие же пятиэтажки рядом с телебашней. Как написал мой друг, неплохой поэт, которого уже нет в живых, глядя на нее: «Башня телецентра – огоньки до лампочки, вернуться бы в плаценту, да к родимой мамочке». Все то же самое – тяжелое – в смысле, когда город выглядит ну совсем непрезентабельным, когда по улице просто совершенно нельзя ни пройти, ни прогуляться, потому что тебя обязательно обольют, а у водителей и нет возможности тебя не облить – такие дороги.

Но не это огорчает. Огорчают сидящие в спортивных грязных костюмах коротко стриженные люди в кафе и ресторанах, которые не стесняются материться в голос. Я видел такую группу людей у вас: семейный ужин в ресторане, только жены сидят отдельно от пяти мужиков. Пришли поесть, пьют, разговаривают на свои темы, женщины тоже. И матерятся. Это бросается в глаза. Это то, что я знаю, но не люблю и не принимаю. Я писал про это в своих книгах «Реки», «Планка», но все равно, как бы это сказать получше... я это хорошо знаю и от этого не открещиваюсь, это мое, я с этим жил в таких же точно дворах...

Что же касается Магнитогорска... Для меня трубы комбината... Ой, мы вчера подъезжали со стороны Челябинска – так красиво! Удивительный закат! Прямо такой яркий закат. И стремительный сильный ветер... Резко и невысоко, но такой серой полосой дым, и сквозь него – такой фанерный свет солнца. Для меня это – родное. Грустный пейзаж, но куда от него деваться...

ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ
ФОТО ДМИТРИЯ РУХМАЛЕВА.